

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

Неизвестные и малоизвестные факты

Сборник статей
Г. П. Бельская
Отечественная война
1812 года. Неизвестные
и малоизвестные факты
Серия «Библиотечка «Знание – сила»»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9082235

*Отечественная война 1812 года. Неизвестные и малоизвестные факты: Вест-Консалтинг; М.; 2012
ISBN 978-5-91865-178-0*

Аннотация

Книга рассказывает о том, как складывалась ситуация в Европе накануне Отечественной войны 1812 года, о том, каково было ее начало, об истинно народном ее характере, о людях той эпохи, показавших себя героями на войне, о последствиях этой войны в Европе и в России. В книгу вошли статьи, опубликованные в журнале «ЗНАНИЕ-СИЛА» в 2010–2012 годах. Все статьи написаны профессиональными историками по теме их исследований и содержат неизвестные ранее и малоизвестные факты.

Содержание

Вступление	5
Глава первая	7
Россия и Франция в Европе перед войной 1812 года	8
«Незнаменитые войны» России и «позор» Тильзита	19
И пошел брат на брата...	36
Александр I в 1812 году	52
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Сборник статей Отечественная война 1812 года. Неизвестные и малоизвестные факты

© Г. П. Бельская, составление, 2012

© АНО «Редакция журнала “Знание-сила”», 2012

© «Вест-Консалтинг», компьютерная верстка, макет,
2012

Вступление

Двести лет назад калейдоскоп стремительно развивающихся событий в Европе привел Россию к войне с Францией, к войне, которую впоследствии назовут Отечественной. Такая война взрывает жизнь. Она перетряхивает понятия и представления, меняя традиционный уклад, уносит все привычное, обыденное, избыточное, оставляя лишь жесткий каркас, остов жизни, зачастую и его, калеча и ломая. Она оголяет не только ежедневное бытование, но и внутренний человеческий облик.

Тем не менее, именно такие войны способны пробудить высочайший дух в человеке, в такие войны совершаются подвиги самопожертвования. И героическое звучание 1812 года долгим эхом отдавалось в дальнейшей истории России, эхом, напоминавшим о народном подвиге.

В это эхо жадно вслушивались в тяжкие годы испытаний уже следующего, XX века, черпая силу и надежду, снова воюя и снова сокрушая врага. К нему прислушивались, стараясь понять странности и несоответствия в политике и жизни того XIX века, вызвавшего эту войну. О нем вспоминали, докапываясь до корней декабрьского восстания 1825, когда русские офицеры вышли на Сенатскую площадь. Эта война повлияла на всю историю России.

Предлагаемая вашему вниманию книга составлена из ста-

тей, опубликованные в журнале «Знание-сила» в 2010–2012 годах и написанных учеными-историками, работающими в ведущих университетах Москвы, Саратова, Самары докторами исторических наук, профессорами Виктором Безотосным, Владимиром Земцовым, Андреем Левандовским, Анатолием Садчиковым, Николаем Троицким, Оксаной Киянской, Анастасией Готовцевой и, к сожалению, умершим в 2010 году Михаилом Фырниным. Есть в сборнике статья известного популяризатора истории, кандидата исторических наук Елены Съяновой и статьи знатоков отечественной истории, писателей Михаила Лускатова и Салавата Асфатуллина.

Глава первая

Россия, Франция,

Европа накануне войны

На смену социальным бурям и потрясениям Французской революции в Европу очень быстро пришла эпоха наполеоновских войн. Калейдоскоп событий разворачивался стремительно. Скоропалительные политические решения и допущенные просчеты во многом объяснялись именно этим. Политики должны были в цейтноте реагировать на события, подталкивающие их к войне и оказывались, порой, заложниками чрезвычайных обстоятельств. В результате старушка-Европа, не успев оглянуться, оказалась крепко скованной наполеоновскими цепями.

Россия и Франция в Европе перед войной 1812 года

Виктор Безотосный

Почему французы и русские воевали друг с другом? Неужели из чувства национальной ненависти? А может, Россией владела жажда расширить границы, увеличить свою территорию? Конечно, нет. Тем более что среди значительной части российской правящей элиты в начале XIX века утвердилось мнение, что «Россия в пространстве своем не имела уже нужды в расширении».

А Наполеон? Почему, придя к власти на гребне революционной волны, он увлек за собой не только французов, но и итальянцев, немцев, даже испанцев, не говоря уже о поляках со своим страстным вождением создать СВОЮ европейскую империю? И почему народы Российской империи, послушные воле своего самодержца, решили разрушить наполеоновскую мечту? Чем она так не нравилась русским, англичанам, пруссакам, австрийцам, шведам, испанцам и другим народам? Какая логика заставляла эти силы воевать друг с другом? И конкретно о России: какие цели преследовала она, создавая и активно участвуя в антинаполеоновских коалициях?

О том, что эти вопросы весьма сложны и неоднозначны,

свидетельствует тот факт, что в описываемое время почти все страны-коалиционеры хотя бы раз переходили в противоположный стан, то есть бывшие союзники оказывались по разные стороны баррикад и становились противниками. Неизменным в наполеоновские войны оставалось лишь военное противостояние французов и англичан.

Итак, главными игроками на европейской арене выступали постреволюционная Франция и «владычица морей», или «мастерская мира» – Англия. Непрерывное соперничество между этими державами насчитывало несколько столетий, и именно антагонистические противоречия между ними диктовали и определяли основное содержание наполеоновских войн как двух главных оппонентов в споре за преобладание на континенте. В Европе можно выделить еще три крупных государства, способных тогда влиять на расстановку сил, – Россию, Австрию и Пруссию. Остальные в силу своего расположения или малых размеров не являлись самостоятельными игроками и не могли проводить независимую политику без оглядки на сильных соседей.

Россия занимала особое место, так как, бесспорно, являлась великой европейской державой, обладая огромной территорией и значительными людскими и материальными ресурсами. Она приближалась по значимости к Франции и Англии, и ее мощь была сопоставима с лидерами. В раздробленной на мелкие государственные образования Центральной Европе роль периферийных полюсов притяжения всегда

играли Австрия и Пруссия. Вокруг них традиционно группировались мелкие феодальные владения, хотя всегда были сильны и конкурентные австро-пруссские противоречия, что облегчало Наполеону проведение французской политики. В отличие от Австрии и Пруссии, Россия, как и Англия, была менее уязвима, что давало ей большую самостоятельность и свободу маневрирования. От ее позиции и поведения зависело тогда многое, кроме того, находясь географически очень выгодно, не в центре Европы, она могла выбирать союзников. Пожалуй, Россия оставалась единственной крупной континентальной державой, с мнением которой Наполеон вынужден был считаться.

Естественно, у России существовали свои предпочтения и свои серьезные интересы на Балтике, в Польше и Германии, на Балканах и в Восточном Средиземноморье. Собственно Российская империя в тот период могла предпочесть одну из трех моделей реагирования на борьбу в Европе – поддержать Францию, вступив с ней в союз против Англии, остаться нейтральной или, наконец, вместе с Англией выступить против Франции и попытаться втянуть в антинаполеоновский союз как можно больше европейских стран.

Во внешней политике России в 1800–1815 годы были в разное время опробованы все три модели поведения. Но на наш взгляд, второй вариант стал со временем чисто теоретическим. Хотя Александр I в самом начале своего царствования хотел бы оставаться нейтральным, но реализовать

подобный вариант просто не сумел. Существование такого крупнейшего государства, как Россия, уже было немыслимо вдали от общеевропейских интересов. Диапазон возможных приоритетов – с кем и против кого «дружить» – был невелик. Выбор был в пользу Франции или Англии. Почему же Россия то выступала совместно с Англией, то находилась в союзе с Францией? Почему столь кардинально менялась ее позиция?

Доминирующий взгляд в отечественной историографии таков: англо-русское сближение и совместная борьба с постреволюционной Францией – естественная политика, вытекавшая из угрозы завоевания Наполеоном. Другая точка зрения – идея закономерной и жизненной необходимости союза Франции и России из-за отсутствия непримиримых противоречий – была обоснована во времена расцвета русско-французского союза в конце XIX столетия историками А. Вандалем и А. Трачевским. В советской историографии приверженцем этого взгляда выступил А. З. Манфред, талантливо интерпретировавший идею общности интересов и объективной заинтересованности сторон при отсутствии территориальных споров между ними. Справедливости ради отметим, что до последнего времени даже среди советских исследователей, несмотря на большой авторитет Манфреда, это концептуальное положение не получило поддержки среди серьезных ученых.

Был ли союз России с Францией обусловлен геополити-

ческим и стратегическим фактором? Так ли уж он объективен? Сегодня назрела необходимость пристальней взглянуть на эту проблему. Если даже считать за аксиому геополитический фактор, раз и навсегда данный нам в качестве беспристрастного критерия, возникают вопросы, почему же русские войска сражались с французами в 1799-м, 1805–1807-м, 1812–1815 годах? Почему в эти времена фактор «не работал»? По каким причинам робкие ростки политического союза Франции и России так быстро гибли, не выдерживая даже кратких испытаний временем?

Начнем с того, что Франция и Россия были крупными централизованными государствами, но с разными экономическими, социальными, идеологическими и религиозными устоями. Россия – феодальное государство! Основу ее экономики составляло крепостническое сельское хозяйство. Товарооборот во внешней торговле почти полностью ориентировался на Англию. Не менее важными являлись социальные и идеологические аспекты.

Главной социальной базой и стержнем самодержавного строя было дворянство, оно же тогда было единственной общественной силой, единственным сословием, имеющим в империи политическое значение. Если политический вектор хотя бы гипотетически менялся не в пользу дворянства, а государь пренебрегал дворянскими интересами или всего лишь настроениями, русское дворянство быстро напоминало, кто «делает царя» царем, хорошо усвоив французский

постулат – «короля делает свита». В XVIII столетии в этом случае долго на троне не засиживались, венценосцы могли потерять не только корону, но и жизнь. Дворяне, носившие военную форму, мгновенно реагировали на подобные явления и за один день радикально корректировали политику в нужном для их сословия направлении. В этот день престол превращался в игрушку для гвардейских полков.

Что же могла предложить Франция на рубеже двух веков российскому императору, феодальной России и в первую очередь дворянству, благополучие которого напрямую зависело от крепостной деревни и внешней торговли? Идеи свободы, равенства и братства? Отрицание религии? Лозунг «Смерть королям!» и в придачу французскую гегемонию в Европе?

И после этого дворянство, полностью осознав прогрессивные интересы французских буржуа, должно было убедить свое правительство, что Франция – это естественный союзник России? Не могло же, в конце концов, все сословие поглупеть настолько, что у него напрочь атрофировалось социальное чутье!

На самом деле все было ровно наоборот: дворянство очень хорошо осознавало, что революционная «зараза» представляет реальную угрозу социальным устоям государства. Еще не прошло и 30 лет со времени Пугачевского бунта, испытанный тогда ужас сохранялся в воспоминаниях нескольких поколений господствовавшего класса. Дошед-

шая до нас частная переписка представителей дворянства в 1812 году наполнена свидетельствами откровенного страха перед Наполеоном, который мог пообещать вольность крепостным. Призрак второй пугачевщины неотступно присутствовал в умах дворян – сравнительно небольшого по численности сословия в многомиллионной крестьянской стране. Поэтому Россия крепостническая четко позиционировала Францию, сохранявшую к тому времени лишь тень революционных традиций как своего главного идеологического противника. А идеи революции, как известно, всегда опасней ее штыков. И дворяне, владельцы крепостных, продолжали пребывать в убеждении, что «безродный» Бонапарт мало чем отличался от безбожников-санкюлотов. Для них он оставался «новым Пугачевым».

И потому правительственная политика по отношению к Франции, в частности война против Наполеона в 1805 году, пользовалась поддержкой и не вызывала общественного недовольства. Это было господствующее умонастроение всего сословия. Поэтому не стоит удивляться холодному приему, которое оказывало русское общество практически всем посланникам Наполеона в Петербурге в 1801 – 1805-м и 1807–1812 годах. На французские дипломатические приемы приходили в основном чиновники, которым это вменялось по службе, дворянское общество их игнорировало, а в среде гвардейской молодежи считалось хорошим тоном всякого рода антифранцузские выходки. В то же время в России

проживало много французских роялистов. Вот их-то охотно принимали в светских салонах; они являлись там желанными гостями. Более того, очень многие из «мучеников революции» находились на государственной и придворной службе в России, в том числе в рядах армии.

Уж, кто-кто, а сын Павла I очень хорошо понимал расклад сил в России. Он прекрасно знал, какое сословие надо особо выделять на фоне социального пейзажа России, на кого необходимо ориентироваться в своей политике, чтобы сохранить не только власть, но и жизнь. Четко определяя цель геополитического позиционирования страны, он выдерживал свой курс, исходя из идеологических, социальных и экономических приоритетов дворянства.

Этого требовал от российского императора и элементарный анализ сил в Европе, даже с точки зрения основ геополитики. Географическая компонента действительно дает основание предполагать, что Франция и Россия при определенных условиях являлись естественными союзниками. Они не имели до 1807 года общих границ и никаких точек соприкосновения, но между ними располагались, помимо Пруссии, земли многочисленных немецких государств. Это была как раз та территория, где непосредственно сталкивались французские и российские интересы. В конце XIX века после образования мощной Германской империи геополитический фактор сработал очень четко. Франция и Россия, несмотря на различия в политическом устройстве, вступили в союз

против Германии. Император Александр III, быть может, самый твердый самодержец из династии Романовых, вынужден был на официальных встречах с французским президентом стоя слушать французский гимн «Марсельезу». Можно только догадываться, что творилось в тот момент в душе этого убежденного противника революций, однако все его идеологические предубеждения перевешивала государственная необходимость.

В начале XIX века германской угрозы в Европе не существовало. Следовательно, не имелось и прямой необходимости в союзе между Францией и Россией. Британские острова территориально находились в стороне от континента, и у России не было надобности объединяться с кем бы то ни было, а тем более с Францией против Англии. Наоборот, все пять великих европейских держав в первую очередь боролись в то время за преобладание и влияние в немецких землях. И самой реальной тогда, что подтвердила история, была угроза французской гегемонии в Германии, а это – центр континента, поэтому речь шла о будущем Европы.

Если проанализировать состав всех коалиций, то станет ясно, что, помимо бессменного «банкира» союзников – Англии, их участниками (правда, с периодическим выбыванием) являлись Австрия, Пруссия, Россия, то есть «альянс фланговых государств против центра». Главная проблема заключалась в обилии мелких немецких государственных образований, которые потенциально легко могли стать жертвой

Франции. Эта постоянно возрастающая угроза в глазах государственных деятелей того времени персонифицировалась с именем Наполеона. Очень интересно в этом смысле описание ситуации одним из самых известных тогда отечественных литераторов, П. А. Вяземским: «Гнетущее давление наполеоновского режима чувствовалось во всех уголках Европы. Кто не жил в эту эпоху, тот знать не может и догадаться, как душно было жить в это время. Судьба каждого государства, почти каждого лица более или менее, так или иначе, не сегодня, так завтра, зависела от прихотей тюильрийского кабинета или боевых распоряжений наполеоновской Главной квартиры. Все жили, как под страхом землетрясения или извержения огнедышащей горы. Никто не мог ни действовать, ни дышать свободно». Именно поэтому в это время и возникали антинаполеоновские коалиции, несмотря на колебания европейских правителей, порождаемые боязнью мощи французской военной машины.

Поначалу Александр I симпатизировал Наполеону. Но чем дальше, тем все больше и явственнее вырисовывалась опасная перспектива и прямая угроза для России в деятельности первого консула. Уже в частном письме к Ф. Лагарпу 7 июля 1803 года русский монарх критически оценивал провозглашение Наполеона пожизненным консулом, и было очевидно, что он потерял иллюзии по отношению к нему. Вот цитаты из этого письма: «пелена спала с глаз», по его мнению, Бонапарт имел уникальную возможность работать

«для счастья и славы родины и быть верным конституции, которой он сам присягал», а «вместо этого он предпочел подражать европейским дворам, во всем насилуя конституцию своей страны». Поэтому Александр видит теперь в нем «одного из самых знаменитых тиранов, которого производила история».

Ясно, разочарование было связано и с его либеральными воззрениями, в которые будущий французский император («тиран») никак не вписывался. И Александр I становится инициатором активной антифранцузской политики. Его можно назвать и идеологом последовательной русской стратегии в Европе, продолжателем борьбы с революцией – политики, заложенной еще Екатериной II.

«Незнаменитые войны» России и «позор» Тильзита

Виктор Безотосный

Александр I с юности мечтал о военных подвигах. Отправляясь на войну, он, памятуя о победах Петра I, надеялся погреться в лучах русской доблести и славы, но этого не случилось. Хорошо знакомый лишь с парадной стороной военного дела и переоценивший боеспособность русских войск, он стал свидетелем катастрофического поражения русских при Аустерлице. В истории российской армии Аустерлицкую битву можно назвать второй «Нарвой». Хотя вполне вероятно, что без этого унижительного проигрыша не было бы будущих побед, во всяком случае, стали очевидны огрехи и недостатки предшествующей подготовки войск и высшего командного состава, стала очевидна необходимость военных реформ, но пережитое унижение было слишком мучительно, и он его никогда не забывал.

И сделал очень разумный вывод – поскольку первым полководцем ему никогда не быть, нужно стать первым дипломатом. Он выбрал для себя иную сферу и все силы направил в область высокой политики, не забывая держать под контролем армию. И как дипломат российский император показал себя мастером политического расчета, в чем ему отдавали

должное многие современники. «Это – истинный византиец, – высказывался о нем Наполеон, – тонкий, притворный, хитрый».

После кровопролитной кампании 1807 года, закончившейся поражением русской армии под Фридландом, наполеоновские полки остановились на реке Неман. Правда, положение России нельзя в тот момент назвать критическим. Имелись резервы, чтобы быстро подкрепить и восстановить численность действующей армии, да и время, пространство и близость тылов играли бы на руку русским в случае продолжения боевых действий. Но военные неудачи, непомерные финансовые расходы, сложная политическая ситуация (Россия одновременно вела еще войны с Турцией и Персией), боязнь внутренних потрясений, союзнический «эгоизм» англичан и усиление русско-британских разногласий заставили Александра I вступить с Наполеоном в переговоры о мире. Приходилось поневоле «по одежке протягивать ножки», да и затяжная война слишком многим в петербургских верхах казалась делом бесперспективным. В такой обстановке в маленьком провинциальном городе Тильзите 9 июня 1807 года между сторонами было подписано перемирие, которое Александр I ратифицировал 11 июня.

А после этого стремительный калейдоскоп событий мгновенно и круто изменил внешнеполитический курс российского тяжеловесного государственного корабля.

Важно понять, что значительное число высших чиновни-

ков из ближайшего окружения императора в тот момент находилось под свежим впечатлением наполеоновских побед. У многих складывалось ощущение всемогущества французского императора. Казалось, его полководческому мастерству нет пределов – ему все под силу. В правительственных кругах опасались, что русские войска в очередной раз не смогут удержать стремительный прорыв французских полков. Александр I понимал, что армия понесла большие потери, но главное – из строя выбыло большое число боевых генералов, а вновь прибывшие строевики могли наделать ошибок и привести войска к новым поражениям. Не случайно после кампаний 1805–1807 годов начинается постепенный, но интенсивный процесс обновления высшего командного состава, выдвижения на генеральские должности способных и талантливых офицеров не за выслугу лет по старшинству, а за отличие на полях сражений. Именно это поколение «отличившихся» молодых военных позднее, в 1812–1815 годах, и привело армию к окончательной победе над Наполеоном.

Поражения заставили правительство взяться за военное реформирование, многие элементы которого являлись прямым заимствованием у французов. Все обучение и боевая подготовка войск постепенно стали строиться по французским канонам. Это очень точно после 1807 года подметил посол Наполеона в Санкт-Петербурге А. де Коленкур в своих докладах в Париж: «Музыка на французский лад, марши французские; ученье французское».

В первую очередь изменения коснулись военной формы сухопутных войск. Наполеоновская униформа в то время диктовала военную моду в Европе. Но не только. Среди офицерской молодежи стало модным изучение работ военного теоретика А. Жомини, в боевой жизни армии стали активно применяться элементы тактики колонн и рассыпного строя. До 1812 года были внедрены новые уставы и инструкции по боевой подготовке войск, усовершенствовали дивизионную и ввели постоянную корпусную систему организации армии. Разительные перемены произошли в высшем и полевом управлении войск. Словом, успели сделать многое, хотя далеко не все, подгонял страх потерпеть последнее поражение, от которого можно было и не оправиться.

Но вернемся к событиям в Тильзите. Обе стороны тогда наглядно продемонстрировали свое стремление к окончанию войны. В русском лагере стало ясно, что французский император готов заключить договор на почетных условиях. Наполеон уже сразу после подписания соглашения о перемирии заявил русскому представителю, что «взаимные интересы России и Франции диктуют необходимость союза этих двух держав». Он также направил к российскому монарху предложение встретиться лично. И 13 и 14 июня 1807 года состоялись личные встречи недавних противников.

Поскольку при отступлении казаки сожгли все мосты через Неман, первое свидание двух императоров было организовано на специально оборудованном французскими понто-

нерами плоту, где в построенном павильоне два венценосца беседовали с глазу на глаз. Затем, на протяжении двенадцати дней, они еще не раз встречались как на официальных приемах, так и во время пеших или конных прогулок. Содержание многих их личных бесед осталось неизвестным. Позже историки называли их «тайнами Тильзита».

Тильзитские переговоры закончились в беспримерно короткий срок. Первая встреча состоялась 13 июня, а уже 25 июня были подписаны основные документы. После военных неудач российский император в прямых переговорах с Наполеоном смог найти и верный тон, и нужные аргументы, проявить необходимую гибкость, что помогло ему занять положение равноправного партнера и достичь удовлетворяющего обе стороны компромисса.

Россия не понесла территориальных потерь, даже прирасстила свои владения за счет Белостокской области. Договоренности зафиксировали определенный раздел сфер влияния. Франция узаконила свое полное господство в южной и центральной Европе. Россия взамен получала свободу действий на северо-западных границах и на Дунае. Хотя Пруссия – русская союзница – сохранила государственную независимость, ее территория оказалась урезанной, она потеряла ранг великой державы и уже не могла служить противовесом Франции. Было создано герцогство Варшавское, фактически оказавшееся под протекторатом Наполеона. Россия потеряла свои прежние позиции в Средиземноморье. Но самым тяже-

лым был пункт о ее будущем участии в направленной против Англии континентальной блокаде. Это сильно било по экономическим интересам государства и дворянства в первую очередь. Тем не менее, большинство современников оценивало Тильзит как успех русской дипломатии. Россия получила очень важную для нее передышку почти на пять лет перед решающим военным столкновением с наполеоновской Францией в 1812 году.

Но тильзитские договоренности рождают вопросы. И первый из них – почему русские вообще пошли на заключение союза? Ведь Россия в 1807 году не стояла на коленях, и Александр I вполне мог ограничиться лишь мирным договором. Для Наполеона это было бы вполне приемлемо. Стоит сказать, что в 1807 году французы были истощены не меньше, чем русские, и он в любом случае вынужден был бы согласиться с российским императором. Но Россия в 1807 году воевала в союзе с Пруссией, а вся прусская территория оказалась захваченной Францией. Собственно, главный торг тогда велся вокруг этого фактически уже не существовавшего королевства. Александр I смог настоять на том, чтобы Пруссия, хотя ее территория сократилась почти вдвое, сохранилась на карте Европы. Для него это имело важное и принципиальное значение. Наполеон явно не хотел делать такой уступки и пошел на этот шаг только потому, что Россия заключала с Францией союз. Итак, Тильзит означал сохранение Пруссии как государства.

Обычно тильзитские соглашения сторонники франко-русского сближения расценивают как объективную неизбежность такого союза. Но, как ни парадоксально, союз 1807 года был заключен вопреки геополитическим требованиям и закономерностям. Начнем с того, что после создания герцогства Варшавского Наполеон получил прямой выход к русским границам, что в соответствии с азами геополитики противоречило постулату о естественном характере союза, поскольку такое соприкосновение таило потенциальную угрозу и увеличивало вероятность прямого военного столкновения (что и произошло через пять лет). В германском регионе Россия фактически потеряла свои позиции. Там Наполеон безнаказанно мог делать (и делал) все, что хотел. Сохранить хотя бы остатки бывшего влияния возможно было только в рамках союза с Наполеоном, на что Александр I и пошел. Прагматизм русской политики в данном случае очевиден.

Для России Тильзит стал временным компромиссом, договор был продиктован вынужденной необходимостью, но, как минимум, создавал возможность для изменения русских границ в Финляндии и на Балканах (стратегические фланги будущего театра военных действий). Забегая вперед, скажем – это с трудом, но удалось сделать, заключив Бухарестский мир с Турцией. Особый же вопрос в этом раскладе – присоединение России к континентальной блокаде Англии (реализация наполеоновской концепции борьбы «суши» против «моря» средствами экономического удушения) и война с

ней. Правда, многие историки полагали, что настоящей войны-то и не было.

Но насколько заключенный союз отвечал и соответствовал долговременным интересам каждого государства? Собственно, в дипломатии именно этот критерий и определяет прочность любых соглашений.

Был ли выгоден союз в Тильзите Франции? Бесспорно, да. Наполеон был крайне заинтересован в упрочении альянса, так как он давал ему возможность решать основную задачу – эффективно бороться с главным противником – Великобританией, и попутно решать другие локальные проблемы в Европе, не опасаясь нападения России с тыла.

Отвечал ли союз российским интересам? Неужели буржуазно-аристократическая Англия для России, как и для Франции, была главным врагом? Может быть, геополитики правы? И русскому царю было бы лучше «зажмуриться» и вступить в настоящий альянс с Наполеоном против Англии? Но отвечал бы этот по-настоящему заключенный (а не вынужденный, как в Тильзите) союз российским интересам? Даже учитывая все англо-российские противоречия и британские «грехи» перед Россией, думаю, все-таки нет.

Представим себе гипотетический результат такого франко-российского «брака» в борьбе с туманным Альбионом. Наполеон при помощи русских оказался бы победителем. Даже не важно – экономическими средствами или военным путем, – но французы поставили бы Британию на колени.

Что получали бы русские в итоге? Они оказались бы без союзников, один на один с могущественной империей, безраздельно доминирующей в Европе. Нетрудно предугадать, куда после Англии была бы направлена победная поступь наполеоновских солдат – против единственной оставшейся крупной державы, то есть против России. Такова объективная реальность. Вряд ли Александр I не просчитывал такой вариант.

По нашему мнению, война Англии была объявлена Россией лишь на бумаге. Хотя раздражение против предшествующей политики Англии и ее «эгоизма», безусловно, в 1807 году ощущалось в русских правящих кругах, но для обеих сторон она оказалась почти бескровной. Они стремились без лишней надобности не обострять конфликт и не провоцировать эскалацию лишь номинально объявленной войны.

Введение континентальной блокады в России также осуществлялось без рвения и с явными нарушениями. Вредить собственной экономике Россия не желала, и постепенно происходил отход от исполнения условий Тильзита под маркой торговли с судами «нейтральных стран». Смею предположить, что Александр I в 1807–1812 годах полагал, что реальным врагом № 1 для его государства была не Англия, а наполеоновская Франция. У России и Франции в тот период были обозначены слишком разные приоритетные задачи и в то же время отсутствовали общие интересы.

Российский монарх в этот период резонно считал, что

Россия будет успешнее противодействовать гегемонистским планам Наполеона, находясь с Францией в союзе, нежели в прямой конфронтации. А заодно сможет подготовиться к будущему военному столкновению. Англичане же все это время оставались потенциальными союзниками русских, так же как и русские для англичан. Поэтому Александр I учитывались самые различные факторы в оценках политической конъюнктуры и текущих процессов при принятии решений, в том числе, и не в пользу существовавшего русско-французского союза. Можно сказать, что, несмотря на Тильзитский договор, русский стратегический курс в 1807–1812 годах, как и прежде, оставался неизменным и был нацелен на будущую борьбу с Наполеоном.

Охлаждение союзной «дружбы» началось почти сразу же, как только два императора покинули Тильзит. Дипломатические разногласия стали обнаруживаться во многих актуальных для каждого государства вопросах. А стратегическое партнерства просто не получалось, особенно это стало заметно в 1809 году.

Правда, Александр I долгое время старался формально не нарушать достигнутых договоренностей. Вероятно, он был уверен, что его союзник с явными симптомами комплекса победителя рано или поздно допустит стратегический просчет. Ждать ему пришлось недолго – в 1808 году Наполеон ввязался в испанскую авантюру и завяз в клубке им же созданных проблем на Пиренейском полуострове. Перед

встречей в Эрфурте, на которую Александр I поехал с недоверием в сердце, он дал в Кенигсберге аудиенцию прусскому министру, барону Г. Ф. К. Штейну, который записал следующее: «Он видит опасность, грозящую в Европе, вследствие властолюбивых замыслов Бонапарта, и я думаю, что он согласился на свидание в Эрфурте только для того, чтобы еще на некоторое время сохранить мир».

Встреча в Эрфурте свидетельствовала о том, что дух Тильзита начал стремительно испаряться. Стараясь застраховать свои тылы, Наполеон просил Александра I помочь ему в случае вероятной войны с Австрией. Российский же император позволил себе проявить несговорчивость. Правда, потом он был вынужден согласиться на совместные действия против австрийцев, но только в случае их нападения на Францию. Когда же в 1809 году именно по такому сценарию началась война, русский корпус под командованием генерала князя С. Ф. Голицына сначала долго сосредотачивался, затем медленно продвигался в Галиции, при этом русские и австрийцы «дружески маневрировали», «встречались только по недоразумению» и в целом договорились не ввязываться в бои. С обоюдного согласия разыгрывалась пародия на военные действия. Русские никак не хотели воевать, и их поведение можно было охарактеризовать только как умышленное бездействие.

И это понятно: Россия никоим образом не была заинтересована в разгроме Австрии, и Александр I ранее сделал все,

от него зависящее, чтобы предупредить возникновение австро-французского военного конфликта в 1809 году. В результате у французского императора возникли обоснованные подозрения в отношении военных действий русских. Это доказывало, что привязать к победной французской колеснице Александра не удалось. Надежды Наполеона на Тильзит не оправдались.

В ухудшении отношений между двумя империями, как видно из его переписки, он винил не лично Александра I, а, как ни парадоксально, Англию, английских агентов, представителей «английской партии» при русском Дворе, дурно влиявших на принятие царских решений. А тут ему вдруг стало ясно, что его, умудренного огромным опытом политического выживания, переиграл какой-то юноша, хоть и с императорским титулом. Причем смог так обольстить, имитируя без всякой фальши искренность и дружбу, что заставил забыть про элементарную бдительность.

Необходимо учитывать, что Тильзитский договор породил скрытую оппозиционность не только в общественных кругах, но даже в среде высшей бюрократии. Многие даже не отставные, а высокопоставленные сановники неофициально позволяли себе критические высказывания как по поводу Тильзита, так и в адрес Наполеона. В армии и обществе по-прежнему господствовал стойкий антинаполеоновский настрой. А в армейских кругах стали вновь созреть идеи реванша и отмщения французам за поражения русских в 1805-

м и 1807 году. Особенно это было распространено в среде военной молодежи. Интересно, что власть, если и не поощряла, то и не пресекала антифранцузские настроения.

На тильзитский период пришлось проведение в России некоторых важных реформ не только, как говорилось, в военной сфере, но и по гражданской части. Если военные преобразования, выдержанные в профранцузском духе, не подвергались критике, то робкое реформирование государственного аппарата и новые правила для чиновников были с осуждением встречены дворянством. Все нововведения связывались в обществе с личностью «безродного» М. М. Сперанского. Его деятельность сразу же нашла массу противников, которые усматривали в ней опасность революции, а его самого стали обвинять в предательстве в пользу Наполеона. Собственно, из запланированных реформ удалось воплотить в жизнь лишь идею создания Государственного Совета (1 января 1810 года). Но к 1812 году положение Сперанского стало шатким.

Нельзя не отметить в это время и такого явления в Европе, как резкий рост национализма, в первую очередь в Германии. Это была ответная реакция на французское господство. Россию этот процесс также не обошел стороной. То, что можно охарактеризовать как патриотический дух, стало обычным для дворянского общества и распространилось на другие социальные слои. Дворянство тогда являлось и культурной элитой страны. Интеллектуалы стали идео-

логами консервативного патриотизма (или традиционализма) с ярко выраженной антифранцузской направленностью. Именно в этот период начинается и борьба с французским воспитанием и галломанией, которая не только сводилась к искоренению французского языка из повседневной речи дворян, но и распространялась вплоть до политических мнений и пристрастий. Это выразилось в появлении подчеркнута русских литературных кружков и периодических журналов. В обществе стало входить в моду все русское и отрицалось все иностранное, то есть в первую очередь – французское.

Военные поражения во многом истолковывались наличием иностранного воспитания и отсутствием патриотизма. Рупором этих мощных общественных настроений стал граф Ф. В. Ростопчин, считавший, что окружавшие царя люди были «набиты конституционным французским и польским духом», а реформы Сперанского «несообразны с настоящим делом». В результате дворцовых интриг весной 1812 года, когда всем стало ясно, что война с Францией уже неизбежна, Александр I сделал свой выбор в пользу дворянской оппозиции, Сперанский был отправлен в ссылку. Обстоятельства его падения до сих пор остаются не выясненными полностью. Его негласно обвиняли в государственной измене, в заговоре в пользу Наполеона и так далее. Ясно, что это были абсолютно надуманные предположения, а на самом деле российский император перед войной решил пожертвовать непо-

пулярной фигурой и сделать ставку на патриархально-консервативные силы. Таким образом, Сперанский стал жертвой во имя успокоения встревоженных «умов».

Отправив в ссылку либерала Сперанского, Александр I выдвинул на ключевые государственные должности «по обстоятельствам момента» двух известных традиционалистов и полуопальных вельмож — А. С. Шишкова и Ф. В. Ростопчина, долгое время бывших не у дел. Имена обоих сановников олицетворялись в обществе с национально-патриотическими тенденциями. Фактически сменивший Сперанского на посту государственного секретаря адмирал Шишков воспринимался как страж чистоты русского языка, поборник старины и ревностный патриот, а возглавивший «первопрестольную» Москву Ростопчин, находившийся тогда в зените своей литературной славы, получил громкую известность как обличитель французмании и застрельщик публицистических памфлетов антифранцузского содержания.

Эти действия российского императора были не просто уступкой дворянскому консерватизму или отказом от либеральных ценностей, а свидетельствовали о том, что власть перед грядущим военным столкновением пыталась найти новую опору в дворянском обществе. Это был весьма расчетливый ход правительства. Двух известных критиков предшествовавшей профранцузской политики привлекли к сотрудничеству и фактически нейтрализовали. В 1812 году значительное распространение получили ростопчинские «афи-

ши», а правительственные манифесты и рескрипты составлялись Шишковым. По мнению С. Т. Аксакова, «писанные им манифесты действовали электрически на целую Русь. Несмотря на книжные, иногда несколько напыщенные выражения, русское чувство, которым они были проникнуты, сильно отзывалось в сердцах русских людей». Да и вскоре почти вся русская журналистика и публицистика заговорили слегка архаичным и одическим шишковским языком. Впоследствии А. С. Пушкин имел полное право написать про него:

*«Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа,
Он славен славою двенадцатого
года».*

Примечательно, как только военные действия закончились в 1814 году, оба (Шишков и Ростопчин) были уволены с занимаемых должностей и «в воздаяние долговременной службы и трудов, понесенных в минувшую войну», получили назначение состоять членами Государственного совета. «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить».

Подводя итог, можно сказать: вполне очевидно, что в 1805–1807 годах русские войска в Австрии и Пруссии защищали подступы к собственной территории, и их действия в целом носили даже по тактической направленности (чаще всего им приходилось отступать) оборонительный характер. В данном случае Россия преследовала определенные це-

ли (спасения «обломков» прежней Европы) и стремилась не допустить распространения пожара войны к своим границам. Здесь уместно привести конспективные записи В. О. Ключевского, характеризовавшего внешнеполитический план России «для борьбы с всемирным завоевателем»: «Это – программа века. Под видимой отвлеченностью – ее реальный интерес, в котором смысл 3-й и 4-й коалиций: Россия боролась за Германию, чтобы предупредить борьбу за себя, в 1805-м и 1807 годах хотела предотвратить 1812 год». Целевая внешнеполитическая направленность у России в этот период была очевидна.

И пошел брат на брата...

Михаил Лускатов

«Государь, брат мой!» – так начинал, согласно этикету, свои письма Наполеон к европейским монархам, в том числе и к Александру I. По условиям Тильзитского мира Александр признавал в Наполеоне законного монарха, равного себе и всем другим, правившим тогда в Европе. Пункт не самый обременительный для русского императора, но важный для Наполеона – формально признавалась легитимность его власти. Это была одна из множества ступенек его фантастического восхождения перед лицом изумленного человечества. Теперь он стал настоящим, а не фальшивым или самозванным «братом» среди других «братьев»¹.

Впрочем, Наполеон уже говорил, что скоро его царствующий дом станет самым старым в Европе, слишком слабыми ему казались европейские монархии, и он был готов уже взять на себя роль старшего меж европейских братьев – передвигать, тасовать и ранжировать европейских герцогов, курфюрстов и королей, как ранжировал своих оловянных солдатиков другой европейский исполин – Фридрих Великий, тень которого еще не сошла с лица Европы. Не случайно од-

¹ «Одним из постоянных и живейших огорчений Наполеона было то, что он не мог сослаться на принцип легитимности как на основу своей власти», – писал Меттерних.

ним из самых дорогих трофеев Наполеона после его разгрома Пруссии была шпага Старого Фрица, над которой Наполеон благоговейно медитировал, словно ожидая от Фридриха потустороннего благословения своих собственных великих замыслов. Только великий может понять великого.

Надо сказать, что и главный антагонист Наполеона, русский царь, также укреплял свой дух возвращением тени Фридриха, призывая его на свою сторону в противостоянии с Наполеоном, в союзе с тогдашним королем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом III, который, увы, ничем не напоминал своего великого предка. Высмеивая прусского короля, Наполеон говорил, что в Пруссии есть только один настоящий мужчина – это жена Фридриха-Вильгельма, Луиза Августа Вильгельмина Амалия. И это вовсе не означало, что прусская королева чем-то напоминала мужчину – она была совершенно очаровательной женщиной, чем и пользовалась как оружием, в том числе и в своей внешнеполитической деятельности.

Фридрих-Вильгельм виделся Наполеону настолько ничтожным правителем, что он не придавал тогдашней Пруссии никакого значения в раскладе политических карт в Европе. Более того, Наполеон собирался ликвидировать Пруссию как суверенное государство. Ни Фридрих-Вильгельм, ни Пруссия Наполеону не были нужны. Однако Пруссия была нужна «брату» Александру как ресурс в противостоянии «большому брату» – императору французов, королю Ита-

лии, медиатору, протектору и прочая, и прочая... Русский царь настаивал на сохранении Пруссии на карте Европы. Наполеон великодушно согласился со своим русским «братом» в такой мелочи². Так само существование Пруссии как суверенного государства уже второй раз со времен Семилетней войны было спасено рукою российских монархов.

Поражение в войне 1806 года не только поставило Пруссию на грань существования. Оно самым страшным образом унизило дух пруссаков, так возвышенный до того Фридрихом Великим. Дадим слово самому Наполеону: «Солдаты! Вы оправдали мои ожидания... Одна из первых военных держав Европы... уничтожена. В продолжение семи дней мы дали четыре битвы и одно генеральное сражение... Мы взяли 60 000 человек в плен, захватили 65 знамен и в том числе гвардии прусского короля, 600 орудий, три крепости, более 20 генералов... все области прусской монархии до реки Одер находятся в наших руках». Знаменитые наполеоновские бюллетени писали: «Эта большая и прекрасная прусская армия исчезла, как осенний туман при восходе солнца. От нее не осталось ничего». Фридрих-Вильгельм бежал в Восточную Пруссию. В те дни Наполеон говорил о дворе прусского короля: «Я настолько унижу эту дворцовую знать, что

² Дипломатические демарши России в 1806 году преследовали цель не только сохранить суверенитета Прусского королевства, но даже создать союз северогерманских государств во главе с Пруссией.

ей придется просить подаяние»³. Что тут еще добавишь?!

Чем залечить такую душевную травму страдающей и поверженной во прах прусской душе? Присоединиться к сильному. И все лето 1812 года прусские солдаты уже не бегут от неприятеля, забыв об отдыхе, как в 1806-м, а бодро идут по дороге от Тильзита на Ригу под сенью французских знамен. Вот такая метаморфоза для выживания! Все же верили тогда, а более всех сам Наполеон, что он сможет завоевать и Россию, и Индию, и весь мир – почему бы не поучаствовать. Верили и пруссаки.

Однако, когда зима, Барклай иль русский Бог начали убеждать Европу в обратном, хотя никто еще не мог предположить, что завоеванная Наполеоном Вселенная будет представлять собой в конечном счете лишь крошечный остров в океане, именно пруссаки дали себя убедить в этом первыми. Когда после похода в Россию начала закатываться звезда Наполеона, и от него стали отворачиваться австрийцы, саксонцы, баварцы и даже неаполитанцы во главе с оказавшимся таким неблагодарным зятем Наполеона... Но первыми были пруссаки. Любая душа будет болезненно переносить такие стремительные перемены бывших друзей во врагов и обратно. Этот комплекс в конечном счете сформировал в пруссаках такую ненависть к Наполеону, какой не испытывала

³ Для сравнения: Наполеон гораздо мягче отнесся к русскому двору после военного поражения при Фридланде и, едва получив намеки на готовность с русской стороны к переговорам, первым прислал своего адъютанта, обер-гофмаршала двора генерала Дюрока, с предложением заключить мир.

ни одна европейская нация, даже Россия, пострадавшая от французского императора более всего. Только прусские генералы настаивали на том, что Наполеона, их несостоявшегося господина, следует непременно расстрелять. Но... тем не менее при спасительной поддержке России и благодаря своей немецкой практичности Пруссия, делая правильные выводы из своего поражения 1806 года, отменила крепостное право, упразднила рекрутчину, провела многие реформы в духе реформ французских и вышла из эпохи наполеоновских войн окрепшим сильным государством, сумевшим впоследствии послужить ядром для объединения всей Германии.

Известно, что Екатерина Великая растила своих внуков, Александра и Константина, но прежде всего Александра, с уверенностью, что им придется играть важнейшую роль на европейской политической арене. И Александр на своем поприще руководителя великой державы сумел стать отличным профессионалом. Но предвидел ли он когда-нибудь, что ему назначено будет противостоять очередному завоевателю мира? Вряд ли. И тем не менее нельзя не признать, что Александр оказался на высоте своего положения. Он ни на минуту не изменил своей исторической роли. Молодой, обаятельный, с душой, умом, с чувством прекрасного, любимец общества, несравненный обольститель душ, европеец до мозга костей – какую восхитительную жизнь мог он прожить в балах и удовольствиях, в окружении красивых дам и вещей!

Так, собственно, и жила тогдашняя европейская элита. Однако же он положил огромные военные и дипломатические усилия в своем противостоянии с Наполеоном, был готов в критические моменты «отпустить бороду и отступить до Камчатки», но не складывать рук и оружия в деле обуздания нескончаемых притязаний французского императора, даже когда против одной России выступила практически вся континентальная Европа.

Словно сама природа назначила Александра быть удерживающей Наполеона силой. Это стало смыслом его жизни и диктовало все поступки и решения – государственные, военные, политические – начиная с 1805 года и кончая Венским конгрессом, когда Европа, избавившись от тирании Наполеона Бонапарта, получила устройство, которое в основных своих чертах соответствовало отчасти утопическим, но гармонично сбалансированным практическим опытом взглядам Александра I. После этого, словно почувствовав, что его историческая миссия исполнена, Александр становится менее энергичен, теряет интерес к делам, отворачивается от мира сего и погружается в мистику. Государственная машина России словно перестает чувствовать бразды царского управления, и дела катятся сами по себе, по инерции, отдаются всецело во власть чиновничества, которое всегда было инструментом власти в России, но почти никогда не несло в себе властного, волевого импульса. А ведь Александр еще молод, ему нет сорока, он ничем не болен!

Но чувство уже свершенного дела, ради которого явился в мир, очевидно, было очень сильным и доминирующим. И не оставляло его.

Говорят, что Александр был самым последовательным и непримиримым противником Наполеона без достаточных на то объективных причин, что России и Франции делить было нечего – только будто бы потому, что Александр не мог простить Наполеону намеков на возможную причастность его к смерти своего отца, императора Павла I. Делить России и Франции, конечно же, было нечего. Жаль, что так не думал сам Наполеон. Подзуживать против России Турцию, восстанавливать против России Польшу – эти игры Наполеон получил как политическое наследство еще со времен королевской Франции. Кроме того, ему и самому нравилось делить и перекраивать Европу, еще лучше – весь мир, чувствуя себя великаном среди почти ручных августейших карликов тогдашней Европы. Однако Александр был человеком крупного государственного и международного масштаба и, будучи благородным и умным человеком, обладал прекрасным чувством меры, и таким малозначительным поводом для правителя великой империи, как обида на малоприятные намеки личного свойства, никак не объяснить тех титанических затрат и усилий, которые потребовалось свершить в этом великом противостоянии девятнадцатого века. Слишком несоизмерим этим усилиям⁴ был бы повод.

⁴ В том же русле можно рассматривать попытки – условно назовем «немецкой»

Выдвигалось много понятных и материалистических причин противостояния России и Франции. Например, во взгляде на континентальную блокаду и повышение ввозных пошлин в России на французские товары. На баланс сил на Балканах и в Средиземноморье. На размещение французских войск в той же самой Пруссии. На Польшу. Как же, если сфера жизненных интересов императора французов составляет весь мир, то, конечно, сюда и Польша попадает, хотя находится на границе России, а никак не Франции. Но Польша может дать солдат, чтобы помочь завоевать Россию для того, чтобы Россия дала солдат, чтобы помочь завоевать Индию, которая тоже сможет дать солдат...

Тем не менее ясно было одно – Александр не покорился Наполеону. Все бы ничего, но это путало планы Бонапарта, а этого он снести не мог. Все было уже просчитано – Россия отдает свою экономическую мощь на нужды Наполеона. Россия кормит его армию, Россия дает десятки тысяч своих солдат. Вся Европа и Россия во главе с Францией и Наполеоном идет в Индию. Индия дает продовольствие и своих солдат (при этом автоматически падает Британия), чтобы всем вместе идти покорять Китай и что там еще попадется

партии во главе с матерью российского императора Марией Федоровной и сестрой Елизаветой – твердо противостоять Наполеону Александр всегда был готов выслушивать чаяния как немецких, так и английских, польских, французских «партий», но он был достаточно зрелым и самостоятельным политиком, чтобы разыгрывать на европейских подмостках не чью-то чужую партию, а свою собственную.

на пути до края Вселенной. Россия капризничает? Россия не хочет? Тем хуже для России, ее «влечет рок». Вопрос войны предreshен, хотя война со стороны Наполеона носит, как он сам говорил, «политический» характер, ничего личного.

Но русский царь не внемлет – не так, оказывается, Лагарпом был воспитан. Слова на царя не действуют, хотя ему и намекали, что если не будет слушаться, то может отправиться по тому же пути, по которому ушел и его отец, очень тонко намекали. Роковым образом Александр стоял на пути Наполеона и не хотел не только пойти вместе на край Вселенной, но даже просто посторониться. Война была предreshена⁵.

И вот уже начиная с весны 1812 года, вся Европа пришла в движение. Это было похоже на Великое переселение народов. В Германию и Польшу шли войска из Испании, Италии, Франции, с Балкан. Это были французы (меньшая часть большой западноевропейской орды), а также испанцы, португальцы, голландцы, бельгийцы, корсиканцы, югославы, поляки, итальянцы, пьемонтцы и неаполитанцы, дат-

⁵ Первые шаги к ней были сделаны в 1810 году захватом Наполеоном герцогства Ольденбургского, наследственной земли российской императорской фамилии. Обе стороны начали военные приготовления. Французские войска стоят по всей Европе, они стоят в Италии и Германии вплоть до Данцига. Наполеон всемерно укрепляет военную силу своего новоиспеченного в Тильзите союзника – герцогство Варшавское. Александр, обеспокоенный этим, принимает свои военные меры. Российская армия количественно растет. Согласно А. Лашуку, весной 1811 года Наполеон имел на Висле 36 000, на Эльбе 160 000 и еще за ними 85 000 войска. К концу года количество французских войска на Эльбе удваивается (ими командует знаменитый маршал Даву).

чане, швейцарцы, австрийцы, пруссаки, баварцы, саксонцы, вюртембергцы, вестфальцы и представители множества других мелких германских княжеств, герцогств и курфюршеств. Среди сонма лиц можно было увидеть смуглые и даже черные физиономии выходцев из Египта и Африки. Наполеон как никто умел использовать доступные ему человеческие и материальные ресурсы. Все это называлось Великой армией. Много раз разные авторы пытались сосчитать эту беспрецедентную на тот момент военную силу, не поддающуюся точному подсчету. Большинство авторов (в том числе и французских) насчитывает в рядах Великой армии к моменту вторжения в Россию около 600 000 человек. Первый эшелон вторжения включал около 450 000 человек и около 1300 артиллерийских орудий, а всего в течение кампании 1812 года границу с Россией перешло, по мнению некоторых авторов, около 720 000 вражеских солдат⁶. (Всего через несколько месяцев в обратную сторону русскую границу пересекли лишь несколько десятков тысяч человек.)

Наполеон как никогда тщательно готовился к этой войне. Войска заново обмундировывались и обувались. По ходу выдвижения в сторону России проводились смотры и учения. Были специально для этого случая сформированы де-

⁶ Для сравнения скажем, что итальянская армия 1796 года, с которой тогда еще генерал Буонапарте одержал свои первые блестящие победы, составляла около 40 000 человек; на завоевание Египта Бонапарт отплыл с 45 000 войска; Великая армия, победившая австрийцев и русских в 1805 году, всего насчитывала около 180 000 человек.

сятки обозных батальонов, которые везли продовольствие и все необходимое для ведения боевых действий. Построены тысячи повозок грузоподъемностью в полторы тысячи килограмм (что равняется грузоподъемности знаменитых советских грузовиков «полторок» времен Великой Отечественной войны!). Увеличены артиллерийские и инженерные парки. Продовольствие и воинское снаряжение продвигалось к русским границам не только в конных обозах, но и сплавлялось по европейским рекам и вдоль северного побережья Европы. Огромные запасы складировались в городах и крепостях Восточной Европы, прежде всего в Варшаве, Модлине, Торне, Данциге и Кенигсберге. Войска были снабжены большим количеством походных мельниц, что позволяло производить хлеб непосредственно в боевых частях. В промежутках наступающих по дорогам воинских колонн и вдоль них гнались огромные стада закупленного и реквизированного крупного рогатого скота, которые должны были кормить солдат Великой армии. Помимо обоза непосредственно в наступающих войсках имелось в повозках и солдатских ранцах продовольствия на 24 дня...

Весьма надеялся Наполеон на участие в общем деле армий Швеции и Османской империи. Увы, турки буквально перед самым вторжением дипломатическими усилиями Михаила Илларионовича Кутузова заключили мир и вышли из войны с Россией, а Бернадот, ставший правителем Швеции, и вовсе показал себя противником Наполеона. Император францу-

зов очень гневался в связи с этим, но на планы его это не повлияло. Кроме того, он планировал (и осуществил это) на захваченных западных территориях России сформировать дополнительные польские и литовские полки.

Непосредственно войскам вторжения противостояли со стороны России три Западные армии, насчитывавшие около 210 000 человек, да впоследствии могли подойти освободившиеся войска Дунайской армии и корпус из Финляндии – вместе около 78 000 человек. В тылу были солдаты из запасных батальонов и рекруты в резервных батальонах и рекрутских депо. О равенстве сил не могло быть и речи. Такого нашествия Россия не видела со времен Чингисхана.

Но с самого начала вторжение не заладилось. Даже в ближайшем окружении Наполеона были против вторжения и пытались отговорить императора от новой большой войны. Накануне перехода границы во время рекогносцировки Наполеон упал с лошади, что многими было сочтено за дурной знак. При всей тщательности подготовки похода самим Наполеоном и его блестящим штабом во главе с маршалом Бертье в походных колоннах происходило много беспорядков. Плохо доставлялось продовольствие, и некоторые части уже в самом начале войны голодали. Было много больных и отставших обессиленных солдат. Настроение у большинства было подавленное, солдаты впадали в депрессию от одного только вида бескрайних просторов России. Автор знаменитых мемуаров барон Марбо отмечал особенно сильную

депрессию среди баварских войск, это усиливало болезни и смертность. Солдаты жаловались на недостаток воды и плохой климат. Это удивительно, потому что время было самое благодатное – разгар лета. Осенью 1806 года во время польской кампании погодно-климатические условия на театре боевых действий были значительно хуже, наполеоновские солдаты утопали в грязи, часто голодали из-за трудностей с продовольствием, но дух их не падал. Даже во время Египетского похода не было такой подавленности, а уж Египет по климату, ландшафту и нравам населения, казалось бы, мог вогнать в стресс кого угодно.

Дороги, по которым шли наступающие полки Наполеона, были полны отставших и даже умерших от перенапряжения солдат, поломанными и застрявшими в грязи повозками, многие из которых оказались слишком тяжелы для грунтовых российских дорог. Конный падеж приобрел невиданные масштабы. Если части, шедшие во главе наступающих колонн, успевали разграбить продовольствие и ценности в округе, то шедшим позади не доставалось ничего – ни хлеба для солдат, ни корма для коней. Масштабы вторжения были настолько беспрецедентно крупные, что вся эта движущаяся сила не поддавалась ни удовлетворительному обеспечению существующим на то время материально-техническим уровнем развития, ни управлению. Некоторых своих соратников Наполеону просто пришлось устранить, в первую очередь своего брата Жерома и командира одного из корпусов гене-

рала Жюно.

Наполеон рассчитывал провести эту кампанию быстро, навязать в приграничных областях генеральное сражение русским войскам, нанести им решительное поражение и на этом основании заключить выгодный для себя мир. Сильно углубляться на территорию России (вплоть до Москвы, как оно вышло) великий полководец не намеревался. Но и в военно-тактическом отношении все шло не так, как он рассчитывал.

Наполеон всегда умел обратиться к своим солдатам, это было его коньком – разгоряченная, темпераментная речь, идущая, казалось бы, от самого сердца. Накануне перехода российской границы он по обыкновению подготовил очередное воззвание. Вот оно⁷: «Солдаты, вторая польская война начата. Первая кончилась во Фридланде и Тильзите. В Тильзите Россия поклялась в вечном союзе с Францией и клялась вести войну с Англией. Она теперь нарушает свою клятву. Она не хочет дать никакого объяснения своего странного поведения, пока французские орлы не перейдут обратно через Рейн, оставляя на ее волю наших союзников. Рок влечет за собой Россию: ее судьбы должны совершиться. Считает ли она нас уже выродившимися? Разве мы уже не аустерлицкие солдаты? Она нас ставит перед выбором: бесчестие или война. Выбор не может вызвать сомнений. Итак, пойдем вперед, перейдем через Неман, внесем войну на ее территорию. Вто-

⁷ Цитируется по книге Е. В. Тарле «Наполеон».

рая польская война будет славной для французского оружия, как и первая⁸. Но мир, который мы заключим, будет обеспечен и положит конец гибельному влиянию, которое Россия уже 50 лет оказывает на дела Европы». Уже через несколько месяцев правомерно было задаться вопросом: «Ну и кого же влек за собой рок?»

На обращение Наполеона Александр ответил своим обращением: «Из давнего времени примечали МЫ неприязненные против России поступки Французского Императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные. Наконец, видя беспрестанное возобновление явных оскорблений, при всем НАШЕМ желании сохранить тишину, принуждены МЫ были ополчиться и собрать войска НАШИ; но и тогда, ласкаясь еще примирением, оставались в пределах НАШЕЙ Империи, не нарушая мира, а быв токмо готовыми к обороне. Все сии меры кротости и миролюбия не могли удержать желаемого НАМИ спокойствия. Французский Император нападением на войска НАШИ при Ковне открыл первый войну. И так, видя его никакими средствами не преклонного к миру, не остается НАМ ничего иного, как, призвав на помощь Свидетеля и Защитника правды, Всемогущего Творца небес, поставить силы НАШИ противу сил неприятельских. Не нужно МНЕ напоминать вождям, полководцам и воинам НАШИМ о их долге и храбрости. В

⁸ Вторая польская война в привычных нам терминах – Отечественная война 1812 года, первая польская война – русско-французская война 1806–1807 годов.

них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете веру, Отечество, свободу. Я с вами. На начинающего Бог. Александр».

Его слова были простыми, однако оказались пророческими.

Александр I в 1812 году

Вадим Парсамов

Роль Александра I в войне 1812 года вызывала и вызывает самые противоречивые суждения, чаще всего они зависят от отношения к особе императора. Официальная пропаганда, исходящая из идеи сплоченности всех сословий вокруг престола, ставила царя на вершину той национальной пирамиды, о которую разбилось нашествие двенадцати языков. Оппозиционные по отношению к царю деятели, напротив – низводили его роль к нулю и даже ставили, как например Пушкин, под сомнение личную храбрость царя: «В двенадцатом году дрожал». Но вот Н. Г. Чернышевский среди причин победы русских над Наполеоном на первое место поставил «твердую решимость Императора Александра Благословенного».

Действительно, если царь одним росчерком пера мог прекратить войну, поставив свою подпись под мирным договором, который Наполеон многократно предлагал ему на протяжении кампании 1812 года и не сделал этого, то вряд ли можно говорить о его трусости. Скорее прав Чернышевский: Александр проявил твердость, дав своей армии довести войну до победного завершения после многодневного отступления, сдачи Москвы, ее пожара и многих, многих других бед. Но проблема этим не исчерпывается. Не менее важно по-

пытаться представить, как сам Александр расценивал свою роль в то тяжелое время. Играть роли, менять маски было привычным и вполне естественным для царя поведением. Не зря Наполеон называл его «северный Тальма», имея в виду великого французского трагика.

Понятно, что в 1812 году сама обстановка, величественная и трагическая, выдвигавшая царя на авансцену событий, требовала от него не менее величественной роли. Но именно в этих условиях, когда на карту была поставлена судьба империи и целой Европы, когда миллионы взоров были устремлены на российский театр военных действий, играть было необыкновенно трудно, а главное – не ясно, кого.

Прибыв в апреле 1812 года к войскам, находящимся в Вильно, Александр стал заложником ситуации.

В случае начала боевых действий он автоматически оказывался в роли полководца, которой после Аустерлица он явно не соответствовал, и которой боялся, стараясь при этом не подавать виду. Его заявление в рескрипте фельдмаршалу Н. И. Салтыкову от 13 июня (24 июня по новому стилю), почти сразу же по получении известия о вторжении неприятеля: «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в Царстве Моем» – следовало понимать так, что царь будет находиться при армии. Это подтверждало и его воззвание к войскам при отступлении к Дрисскому лагерю:

«Я всегда буду с вами и никогда от вас не отлучусь». «Сие

выражение, – вспоминал госсекретарь А. С. Шишков, – привело меня в отчаяние». Не рассчитывая в одиночку убедить царя покинуть армию, он обратился за поддержкой к министру полиции А. Д. Балашову и А. А. Аракчееву, после чего в коллективном письме к царю подробно аргументировал свою позицию.

Необходимость отъезда Александра в столицу в письме в первую очередь объяснялась военной обстановкой. Присутствие царя, который формально не решался взять на себя командование войсками, сковывало действия командующего 1-й армией М. Б. Барклая де Толли перед лицом наступающего противника: «Государь Император, – говорилось в письме Шишкова к царю от 30 июня 1812 года, – находясь при войсках, не предводительствует ими, но предоставляет начальство над оными военному Министру, который хотя и называется Главнокомандующим, но в присутствии Его Величества не берет на себя в полной силе быть таковым с полною ответственностию».

Однако важны не только причины, но и аргументация, используемая Шишковым для удаления царя: «Государь и отечество есть глава и тело: едино без другого не может быть ни здраво, ни цело, ни благополучно». Поэтому «самая внутренность Государства, лишенная присутствия Государя Своего и не видя никаких оборонительных в ней приуготовлений, сочтет себя как бы оставленною и впадет в уныние и расстройство, тогда, когда бы, видя с собою Монарха Свое-

го, она имела сугубую надежду: первое на войски, второе на внутренние силы, которые, без всякого сомнения, мгновенно составятся окрест Главы Отечества, Царя».

Шишков с самого начал стремится представить войну не как столкновение двух армий или двух государей. Дипломатический и политический аспекты этой войны его, видимо, вообще мало интересовали. Во французах он видел не только военную, но культурную угрозу для всего русского народа, поэтому и война с ними это не сугубо военное, но и общенародное дело. И царь должен стоять во главе всей нации, а не только ее военной части. Он должен быть символом национального единства наряду с такими общенародными ценностями, как вера и Отечество. Через них и должна в первую очередь выражаться идея народной войны. Царь не воин, а народный вождь. Это давало Александру возможность обрести для себя новую роль, когда стало ясно, что роль полководца он сыграть не сможет.

9 июля Александр I писал М. Б. Барклаю де Толли: «Я решился издать манифест, чтобы при дальнейшем вторжении неприятелей воззвать народ к истреблению их всеми возможными средствами и почитать это таким делом, которое предписывает сама вера». За этим последовало два манифеста Шишкова: воззвание к Москве и манифест о всеобщем ополчении. В них уже содержались основные формулы народной войны. В обращении к москвичам говорилось:

«И так да распространится в сердцах знаменитого Дво-

рянства Нашего и во всех прочих сословиях дух той праведной брани, какую благословляет Бог и православная наша церковь; да составит и ныне сие общее рвение и усердие новые силы, и да умножится оныя, начиная с Москвы, во всей обширной России!» И далее Шишков определяет место царя в этой войне: «Мы не уедем Сами встать посреди народа своего в сей Столице и в других Государства Нашего местах».

В следующем манифесте перечисляются все силы, участвующие в народной войне: «Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества; Святейший Синод и духовенство! вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России; народ русский! Храброе потомство храбрых Славян! ты неоднократно сокрушало зубы устремившихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках, никакие силы человеческие вас не одолеют».

Модель народной войны, предложенная Шишковым, казалось бы, начала обретать в глазах царя реальные очертания во время его пребывания в Москве с 11 по 18 июля. Как вспоминал государственный деятель, поэт П. А. Вяземский, «с приезда государя в Москву война приняла характер народной войны». Мемуарист имеет в виду встречу царя с дворянством и купечеством в Слободском дворце, когда «все было решено, все было готово, чтобы на деле оправдать веру царя в великодушное и неограниченное самопожертвова-

ние».

Для того чтобы оценить значение этого события, необходимо учесть, что, во-первых, позади был длительный период крайней непопулярности Александра I среди дворянства, и, во-вторых, московское дворянство, как известно, всегда отличалось некоторой оппозиционностью. Когда при первом известии о переправе Великой армии через Неман Александр произнес свою известную фразу: «Я не примирюсь, покуда хоть один неприятельский воин будет оставаться в нашей земле», и потом эта фраза, многократно варьируясь, повторялась в официальных и неофициальных документах, царь, видимо, еще не очень хорошо представлял, на какие силы он может рассчитывать. Для этого прежде всего необходимо было вступить в диалог с обществом. Поэтому формирование идеологии «народная война» в июле 1812 года было в первую очередь направлено на поворот общественного мнения от оппозиции к сотрудничеству. Тогда Александру это представлялось вполне реальным. В письме к сестре Екатерине Павловне из Москвы царь писал: «Мое пребывание здесь не было бесполезным. Правительство Смоленска мне предоставило 20 000 человек, правительство Москвы – 80 000. Настроение умов превосходно».

Материальная мощь – вещь существенная, но для Александра в данном случае более важным было то, что встреча с «народом» в лице московского дворянства и купечества позволила ему обрести для себя новую роль – вождя народной

войны. Теперь от него не требовалось специальных военных талантов, необходимых полководцу. И если раньше их отсутствие вызывало у царя ощущение собственной неполноценности и вселяло неуверенность в себе, то теперь он с высоты своего нового предназначения мог смело об этом говорить.

В разговоре с французской писательницей мадам де Сталь, состоявшемся по возвращении царя из Москвы в Петербург, Александр выразил сожаление, что он «не обладает талантом полководца. Я отвечала, — пишет Сталь, — на это признание, исполненное благородной скромности, что государей на свете меньше, чем полководцев, и что поддерживать своим примером дух нации значит одержать величайшую из побед — ту, какой до сих пор никто не одерживал».

Противопоставление монарха и полководца было неслучайным. В основе его лежало убеждение, что власть и сила Наполеона целиком обусловлены его полководческим талантом, и европейские монархи, не пользующиеся любовью своих народов, не в силах ему сопротивляться. Во всей Европе только испанский народ оказался в состоянии противостоять французам, но в Испании нет государя, который мог бы придать стихийности народной войны организованный характер и тем самым довести дело до полной победы. Монарха, пользующегося народной любовью и не собирающегося складывать оружие перед Бонапартом, европейское общественное мнение стремилось увидеть в Александре I. Почти сразу же по вторжении Наполеона в Россию наследный принц Шве-

ции и бывший наполеоновский маршал Ж.-Б. Бернадот в письме к Александру, предлагая вооружить местных жителей «по примеру испанцев», писал, что, если даже придется отступить, «Ваше Величество одним только желанием легко может восполнить потери посреди своей империи, окруженный подданными, которые Вас любят и которые только и стремятся к тому, чтобы обеспечить Ваше счастье и Вашу славу, в то время как император Наполеон удален от своего государства и ненавидим всеми народами, которые он подчинил своему ярму и которые видят в нем только предвестника разрушения». Отвечая на это письмо, Александр полностью соглашался с ролью лидера нации: «Решившись продолжать войну до конца, я должен думать о создании новых военных резервов. Для этой цели мое присутствие внутри империи необходимо для того, чтобы электризовать умы и заставить их принести новые жертвы».

10 (22 августа) Александр отправился в Або для личных переговоров с Бернадотом. По пути он ненадолго остановился в Гельсингфорсе, где в разговоре с военным министром И. А. Эренстремом изложил свое понимание народной войны. Во-первых, народная война не является войной европейской, а следовательно, она ведется не в международных интересах и не связана с теми обязательствами, которые русское правительство берет на себя по отношению к другим правительствам. Во-вторых, народная война может быть только навязанной и вынужденной, а следовательно, правитель-

ство не может нести за нее ответственность. И в-третьих, народная война исключает даже мысль о мирных переговорах с противником. Таким образом, фраза Александра, брошенная им в самом начале войны о том, что он не примирится с Наполеоном, пока хотя бы один вражеский солдат будет находиться на территории России, приобретала прочный идеологический фундамент.

В этой же беседе с Эренстремом Александр в очередной раз заверил, что не подпишет мирного договора с Наполеоном «даже на берегах Волги». Постепенно это фраза приобретала все большие пространственные очертания и внешнюю народность. Вернувшись из Або в Петербург, в разговоре с представителем британского правительства Р. Вильсоном, состоявшемся незадолго до Бородинского сражения, Александр к уже ставшим крылатыми словам прибавил: что «он лучше отрастит бороду до пояса и будет есть картофель в Сибири».

Сразу после получения известия об оставлении Москвы иллюзии царя о своем единстве с народом и о принесении совместной жертвы достигли апогея. Привезшему это известие полковнику А. Ф. Мишо 4 сентября 1812 года Александр сказал: «Возвращайтесь же в армию, скажите нашим храбрецам, скажите моим верным подданным всюду, где вы будете проезжать, что если у меня не останется ни одного солдата, то я сам стану во главе любезного мне Дворянства и добрых моих крестьян, буду сам предводительствовать ими

и испытаю все средства Моей Империи».

А 19 сентября (1 октября) он писал Бернадоту: «Ныне более, нежели когда-либо, я и народ, во главе которого я имею честь находиться, решились твердо стоять и скорее погresti себя под развалинами империи, чем начать переговоры с новейшим Аттилою».

Здесь идеологема народной войны приобретает имперский оттенок. Под народом в данном случае понимаются народы, населяющие Российскую империю от Прибалтики до Сибири включительно, которые составляют не просто единое тело, но и единое цивилизованное пространство, испытывающее на себе варварское нашествие во главе с Наполеоном-Аттилой. Примирение с Наполеоном невозможно, как невозможно примирение варварства и цивилизации. Поэтому либо нашествие варваров будет отражено, либо под обломками империи погибнет цивилизация.

Вскоре после взятия французами Москвы популярность царя стремительно падала и скоро достигла той же отметки, что и после Тильзита. Об этом свидетельствует письмо Екатерины Павловны к царю от 6 сентября. В виду важности и характерности этого письма приведем его полный текст в переводе с французского:

«Мне больше невозможно сдерживать себя, несмотря на то огорчение, которое я должна вам причинить, мой дорогой друг. Взятие Москвы довершило раздражение умов, недовольство достигло высшей степени, и вас уже не щадят. Если

это уже дошло до меня, то судите об остальном. Вас вслух обвиняют в несчастье Вашей Империи, во всеобщем и частном разрушениях и, наконец, в том, что Вы погубили честь страны и свою собственную. И это не мнение какого-то одного класса, все соединились против Вас. Не останавливаясь на том, что говорят о роде войны, которую мы ведем, одно из главных обвинений против Вас заключается в том, что Вы нарушили слово, данное Москве, которая Вас ожидала с крайним нетерпением, и в том, что Вы ее забросили, все равно, что предали. Не бойтесь катастрофы, наподобие революции, нет! Но я предоставляю Вам судить о положении вещей в стране, глава которой презираем. Нет никого, кто не был бы готов вернуть честь, но вместе с желанием всем пожертвовать своему Отечеству задают себе вопрос: К чему это приведет, когда все уничтожено, поглощено глупостью командиров? К счастью, далеко до того, чтобы идея мира была всеобщей, потому что чувство стыда от потери столицы рождает желание мстить. На Вас жалуются, и громко. Я считаю своим долгом сказать Вам это, мой дорогой друг, потому что это слишком важно. Не мне указывать Вам, что необходимо делать, но знайте, что Ваша честь под угрозой. Ваше присутствие может вернуть Вам расположение умов. Не пренебрегайте никакими средствами и не думайте, что я преувеличиваю. Нет, то, что я говорю, к несчастью, правда, и мое сердце от этого обливается кровью, сердце, которое Вам стольким обязано и которое хотело бы ценой тысячи жизней вытащить

Вас из положения, в котором Вы теперь находитесь».

Екатерина Павловна вряд ли сгущала краски. Она хорошо знала, о чем пишет. Ее тверской салон традиционно имел репутацию оппозиционного центра. А несомненная любовь к брату делала ее весьма чуткой к малейшему проявлению недовольства его политикой. Вполне вероятно, что, группируя вокруг себя оппозиционных вельмож, великая княгиня таким образом оберегала царя от возможного заговора. Так было после Тильзита, так стало и теперь, когда ситуация, спровоцированная потерей Москвы, грозила выйти из-под контроля.

Сведения о настроении умов, содержащиеся в письме Екатерины Павловны, находят подтверждение в мемуарах фрейлины императрицы Р. С. Эдлинг, где речь идет о какой-то опасности, грозившей царю в сентябре после получения в Петербурге известия о занятии французами Москвы: «Приближалось 15 сентября, день коронации, обыкновенно празднуемый в России с большим торжеством. Он был особенно знаменателен в этот год, когда население, приведенное в отчаяние гибелью Москвы, нуждалось в ободрении. Уговорили государя на этот раз не ехать по городу на коне, а проследовать в собор в карете вместе с императрицами. Тут в первый и последний раз в жизни он уступил совету осторожной предусмотрительности; но по этому можно судить, как велики были опасения». В другом месте прямо говорится «про опасности, которые могли грозить его жизни». Су-

дя по тому, что опасности ждали на улице, можно предположить, что речь идет не о каком-то дворцовом заговоре, а о возможной народной расправе с царем.

Александру трудно было отвечать на «печальное письмо» своей сестры иначе, как риторическими заверениями в собственной готовности бороться до конца, и в письме от 7 сентября он пишет: «Уверяю вас, что мое решение сражаться еще более непоколебимо, чем когда бы то ни было. Я лучше предпочту прекратить свое существование, чем примириться с чудовищем, которое причиняет всем несчастье <...>. Я надеюсь на Бога, на восхитительный характер моего народа и на настойчивость, с которой я решил не склоняться под ярмо».

Итак, царь называет три фактора, на которые ему остается уповать в борьбе с Наполеоном: Бога, народ и собственную твердость. Характерно, что армия даже не упоминается. Причина этого, возможно, заключена в последней фразе письма: «С 29 августа я не получал ни строчки от Кутузова – это почти невероятно». Александр, видимо, еще не очень хорошо представлял, в каком положении находится его армия и существует ли она вообще?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.